

Русская история в контексте ветхозаветной модели истории в романе Ф. Горенштейна «Псалом»

Роман Ф. Горенштейна «Псалом» [3], написанный в 1975 г., представляет опыт осмысления русской истории XX в. в контексте ветхозаветного мифа. Подобная универсализация бытовой и социальной реальности распространена в литературе XX в.; в частности, в русской литературе 1970-х гг. она способствовала углублению философской проблематики: осмыслению переломных событий отечественной истории, судьбы личности перед лицом социально-исторического абсурда (проза Ю. Домбровского, Ю. Трифонова, В. Астафьева, В. Шаламова, А. Солженицына и т. д.).

Роман «Псалом» состоит из пяти притч и предварений к ним, в каждой из притч автор создает картины жизни Советской России от 1930-х до 1970-х гг. Основной сюжет романа связан с пришествием на землю, в Россию, божественного посланника – Дана-Антихриста, задачей которого является наказание как людей, не исполняющих Завет в повседневной жизни, так и народов, отринувших Завет в социально-исторической перспективе. Люди в Советской России, отказавшись от заповедей Творца (объявив атеизм истиной), установили собственную цель в самостоятельном строительстве жизни – достичь коммунизма. Как отметил Л. Аннинский, иудаизм в романе является «точкой отсчета» [1, с. 63], мерой в оценке исторической реальности XX в., однако в центре повествования оказывается не история «избранного» народа, а история народа, объявившего себя субъектом истории, творцом будущего и судьей настоящего. Принятие Россией исторического мессианства, таким образом, дает Горенштейну основание для наложения истории России (прежде всего – советской, но также в ретроспективе и христианской как истории Третьего Рима) на ветхозаветную модель человеческой истории. Следуя известной модели богоотступничества, Россия в XX в. взяла на себя миссию спасения человечества, подчинила историческое развитие утопическому проекту и построила свою Вавилонскую башню, которая, по мысли Горенштейна, стала разрушаться уже в самом начале ее строительства, с 1930-х гг., что стало очевидно советским людям лишь в конце 1950-х. В фабуле романа не освещаются события, относящиеся к «началу» воплощения замысла о строительстве коммунизма, – революция и гражданская

война (исключение – краткие детали судьбы бригадира из первой притчи), поскольку для писателя важно, главным образом, изобразить последствия выбора и реализации людьми ложных целей – они-то и есть казни Господни. Иными словами, губительные последствия являются не воспитательным наказанием, а заключаются непосредственно в той свободе воли, которая дана людям и делает очевидной истинность Завета и гибельность отступления от него без вмешательства высших сил.

Это сближает, но одновременно и различает сюжет романа Горенштейна с библейскими, где Бог сам становится инициатором наказания человечества (всемирный потоп), народов (египетские казни), городов (Содом и Гоморра, Вавилон, Ниневия), людей (Адам и Ева, Каин). В сюжете ключевого героя, Дана, в отличие, во-первых, от историй библейских пророков, отсутствуют ситуации проповедничества (при том, что задачи Дана схожи с задачами пророка – возмездие за отступничество от Бога; см.: [6]), Дан – не праведник, избранный из числа людей, а посланец божественного мира. Во-вторых, в отличие от своего брата Иисуса (Мессии), он послан для наказания, а не благословения, иными словами – для исправления последствий Христова пришествия, для возвращения строгого отношения к человеку.

Дан-Антихрист несет лишь миссию своего рода «проверки» способности людей следовать или отступать от высших заповедей, а также задачи напоминания им о Боге и метаистории через Библейские тексты. Поэтому в романе нет прямой параллели с известными историческими событиями XX в. (например, сожжением городов России или Германии, казнями преступников и пр.) и событиями библейской истории. Например, проклятие Германии Дан перепоручает Аннушке, оказавшейся в немецком плену, и, тем не менее, в романе нет картин крушения Германии.

История России также явлена в сюжетных линиях конкретных персонажей, чьи страдания трактуются как наказание и за их собственные нарушения господних норм и, как следствие, установление неразумных социальных обстоятельств. Таким образом несоответствие реальной истории божественным установлениям обнаруживается как в примерах самонаказания людей, так и в проявлениях бесчеловечности мира, построенного самими людьми. Другой путь в выражении отпадения реального мира от сакральной воли – прямая оценка повествователя и Дана через текст Ветхого Завета персонажей романа. Именно в подобном контексте и возникает обозначенное выше наложение современности на библейское время. Текст Библии, слова пророков, которые цитируются или пересказываются повествователем или Даном, подтверждают известную по Библии

идею невозможности создания разумной реальности людьми, отступившими от замысла единственного Творца. Как и еврейский народ времен пророков, русский народ начала коммунистической утопии создает губительные для себя условия. Текст Библии позволяет раскрыть смысл очередного исторического тупика земной истории людей уже в России XX в. (об этом писали многие исследователи романа – Л. Аннинский, Г. Никифорович, Т. Рыбальченко [1; 4; 5], В. Суханов).

Главный принцип повествования в Ветхом Завете – хроникальный, но наррация воссоздает путь человека после отказа от Божественного мира (изгнание и обреченность на земное существование), во-первых, как путь, которому неизменно соприсутствует Бог, а во-вторых, как история постоянных напоминаний о Божественном законе, организующем человеческий мир. Бог участвует в судьбе человечества, избирая народ, которому дает ориентиры на пути возвращения к Божественной воле. Иудейская историософия метаисторична и телеологична, т. е. любое событие важно в соотносении с божественным замыслом, а главная цель истории – это возврат к состоянию до грехопадения, т. е. искупление. Ход истории определяет Творец, несмотря на то, что человек наделен свободой воли и может исполнять или нарушать Замысел (см.: [2, с. 82]).

В романе «Псалом» и сюжетно, и декларативно (в слове повествователя) проводится мысль о том, что народ, избранный нести истину всем народам, не исполнил завет, ассимилировался в других нациях, в частности, принял образ жизни восточных славян. Несмотря на тысячелетнее христианство, народы восточного славянства сохраняют язычество, торжество телесного и материального. И, несмотря на то, что коммунизм признает равенство всех наций, Россия берет на себя миссию народа, ведущего к финалу человеческой истории в коммунистическом мироустройстве. Так общая цель и общая идея отменяют необходимость индивидуального поиска истины.

Историософская направленность романа Горенштейна связана с проблемой искупления ложного выбора исторических целей, но решается эта проблема путем проверки человека на способность к поиску высших целей вопреки социальной детерминированности. Тема страдания как казни Господней, заключающегося в предоставлении человеку свободы выбора, вступает в противоречие с известной христианской идеей об очищении страданием. Страдание не возвышает человека, напротив, зачастую оно провоцирует на преступления даже против человеческих законов. Тем не менее, в романе Горенштейна только в состоянии страдания человек может *почувствовать* несовершенство собственной жизни,

которую он пытался выстроить самостоятельно, т. е. ощутить наличие метафизической силы. Поворот к сознательному *поиску* надсоциальных ценностей и метаисторических законов происходит в сознании персонажей молодого поколения (1960–1970-х гг.) после социальных катаклизмов (коллективизация, репрессии 1930-х и 1940-х гг., война). Это дети тех, кто выбирал исторические цели (или подчинялся им) в первой половине XX в., и, в отличие от своих отцов, они ищут истину не ввиду физических страданий (голода, насилия), а по причине неудовлетворенности ответами отцов на вечные вопросы и жизнью, в которой цели определяют телесные желания. В финале романа изображается не обретение истинного исторического пути Россией, а познание метафизического опыта отдельными людьми. Залог прихода молодой нации к подлинным общечеловеческим целям автор романа видит в том, что отдельные люди начинают соотносить свой исторический и этический выбор с надличностной силой, создавшей бытие и определяющей его развитие. В сюжете романа к познанию метафизических законов истории приближаются герои-носители индивидуального сознания, обладающие пока лишь интуицией – независимо от принадлежности к той или иной нации и роду (дети евреев Андрей Копосов и Савелий Иволгин, русская Пелагея).

Главы романа Горенштейна именуются притчами: в примерах русской жизни автор обнаруживает универсальное значение, проявление Божественной воли. Так, голод 1930-х гг. являет беспочвенность идей воздвигания жизни вне божественных законов. Неосуществимость масштабных проектов подталкивает людей к бегству в телесные наслаждения (тракуемые как казни господни), приводит к распаду семей (природно-духовных связей между людьми), зависти, утрате национальной памяти. Со сменой исторической ситуации во второй половине XX в. – отказом от насильственного преобразования мира – на место телесных казней (голод, войны, похоть) приходит болезнь духа. В XX в. Бог снова идет на диалог с человеком посредством нового посланника, исполняющего гуманистическую, сострадательную миссию Христа. В этом смысле русский народ оказывается избранным как раз по той причине, что он нарушает Завет и подвергается за это казням; поскольку этот народ видит в своем существовании высокие исторические цели, он достоин испытания на возможность диалога с метафизическим миром. Страдания от собственных ошибок должны подвести к пониманию ложности выбора и подвигнуть на поиск вневременных ценностей. Дан как посланник метафизического свидетельствует о разладе людей и социальном хаосе в исторически «передовой» системе. Однако сюжетная функция Дана заключается в соединении

с русскими женщинами во имя рождения нового человека, вбирающего опыт древнего народа и живой порыв к высоким целям молодого народа. Дан не жалеет людей, как Христос, но помогает некоторым из них приблизиться к божественным основам бытия.

Пять притч романа символизируют этапы пробуждения русского сознания и его освобождения от советских идеологов. Пробуждение происходит по замыслу Бога, но по инициативе самих людей, а присутствие Дана лишь провоцирует «жажду духа» (эротическое – в женщинах). Финальную притчу романа, в которой изображено рождение праведного семейства (Дана и пророчицы Пелагеи, соединение отца и сына – Дана и Андрея Копосова), можно соотнести с Исходом евреев из Египта (содержательно, не сюжетно), освобождением от рабства, возвращением к мысли об исторической миссии не отдельного народа, но человечества в целом. В романе, в отличие от модели иудейской истории, основным путем познания Бога становится путь персональный, а не национальный.

Между тем большую вину, заключающуюся в приспособлении к социальным идеям и доктринам государства, Горенштейн видит за интеллигенцией, нежели трудящимся народом (история выкреста Иволгина, искусствоведа, который не ищет важных для художника бытийных смыслов, а служит государству). Новое поколение, оказавшееся перед необходимостью искать исторические цели не в социальных проектах, возвращается к христианству (в романе оно трактуется как греческое искажение истинной веры – Иловайский), к идее национальных ценностей (Вася Коробков), к поиску рационалистических метафизических представлений, метафизики без Творца (Савелий Иволгин и его философские гомункулюсы).

В притче «о разбитой чаше», представлены разные варианты поиска духовной опоры молодым поколением начала 1970-х гг. Андрей Копосов, Вася Коробков – дети Дана и русских женщин; Савелий Иволгин – сын еврея, отказавшегося от своего народа, и русской женщины; Пелагея – русская женщина, воспитанная Даном верной старому обряду христианкой. Эти наследники Дана – плотский след метафизического вмешательства в человеческую историю, историю России. Соединение Дана как посланника метафизического мира и пророчицы Пелагеи, обладающей интуицией метафизического, реализует идею встречного движения земного и метафизического, высшей воли и свободы выбора людей. Исторические цели не могут быть сведены к идеологическим программам, насильственно реализуемым и приносящим страдания, равно как история не есть следствие материальных целей людей. Историософия Горенштейна, представленная

в романе «Псалом», предполагает наличие бытийных законов, вечных и сверхсоциальных, наднациональных целей. Эти законы находят проявление в сакральном тексте, воспроизводящем и уроки отпадении от Бога, и возможности искупления ошибок исторического выбора людей.

Список литературы

1. Аннинский Л. Горенштейн: миры, кумиры, химеры // Вопросы литературы. 1993. № 1. С. 62–90.
2. Бен-Шломо Й. Философия истории // Введение в философию иудаизма. Иерусалим : Ассоциация «Тарбут», 1994. С. 81–94.
3. Горенштейн Ф. Псалом // Горенштейн Ф. Избр. : в 3 т. Т. 3. М. : Слово, 1993. С. 3–312.
4. Никифорович Г. Иудео-христианство писателя Фридриха Горенштейна // Знамя. 2011. № 9. С. 173–183.
5. Рыбальченко Т. Л. Библейский текст в тексте романа Ф. Горенштейна «Псалом» // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. 2013. № 3. С. 80–97.
6. Синило Г. В. Пророки // Религия : энцикл. Минск : Книжный Дом, 2007. С. 693–694.

М. Паулинова (Прешов, Словакия)

Опыт лексико-семантического анализа статьи В. Распутина «Если по совести»*

Писатель, публицист и общественный деятель Валентин Григорьевич Распутин известен как мастер «деревенской прозы» – направления в советской литературе 1950–1980-х гг., – поднимающий в своем творчестве важнейшие проблемы нравственности. Экологические вопросы современности рассматривались им в том же ракурсе – ракурсе нравственного состояния общества. С этой точки зрения, повесть В. Распутина 1976 г. «Прощание с Матерой» является знаковым произведением в контексте всей творческой

* Работа выполнена под руководством PhD, доцента Дарины Антоняковой.